— Ваше Высочество, ваше мастерство в обращении с копьем Юминь поистине божественно. Цзинжуну лишь однажды в детстве посчастливилось увидеть это. Не согласится ли Ваше Высочество сопровождать мою игру на гуцинь танцем с копьем? Я хотел бы, чтобы, перебирая струны, видеть перед собой ваш парящий в танце образ!

Услышав эти слова, все присутствующие сановники ахнули от удивления. Раньше уже были те, кто предлагал Мин Яню потанцевать с копьем для развлечения, но он холодно и резко отказывал. Князь Чэн всегда говорил, что его боевые навыки предназначены для защиты родины, а не для уличных представлений. С тех пор никто не осмеливался поднимать эту тему в его присутствии. И вот сегодня Е Цзинжун, казалось, безрассудно предложил это снова.

Не думайте, что раз князь благоволит вам, вы можете делать всё, что захотите. Некоторые границы переступать нельзя.

Однако, к всеобщему удивлению, Мин Янь с радостью согласился. Он тут же повернулся и приказал слугам подготовить для него подходящее копье, словно боясь, что Е Цзинжун передумает. Увидев это, сановники едва не потеряли дар речи. Всего лишь одна мелодия, посвященная Мин Яню, и он уже так взволнован? А где же обещание не заниматься уличными представлениями? Оказывается, он просто выбирает, для кого это делать. Какая двуличность! Получив гуцинь из рук слуги, Е Цзинжун легонько перебрал струны, и на его лице появилось довольное выражение.

Он поднялся и медленно направился к центру зала, поправив свой пурпурный парадный халат с узорами, и сел на пол, поставив гуцинь перед собой. Его лицо излучало спокойствие и умиротворение.

Его изящные пальцы заиграли на струнах, словно облака, плывущие по небу, и из-под них полилась мелодия, полная энергии, великодушия и атмосферы битвы.

Для Е Цзинжуна «Гуанлин Сань» или «Десять засад» были наиболее подходящими мелодиями для Мин Яня. Когда-то он дни и ночи проводил с гуцинь, чтобы запомнить эти мелодии, пока его пальцы не покрылись ранами и не начали кровоточить. Но теперь, когда у него появилась возможность выразить свои чувства через музыку, он считал, что всё это стоило того.

Практически с первой ноты те, кто хотел опозорить Мин Яня, побледнели. Такое мастерство игры на гуцинь превосходило даже самых талантливых музыкантов при дворе.

Мин Янь, оглядев их бледные лица, почувствовал невероятное удовлетворение. Он уже не помнил, когда в последний раз был так счастлив, но с тех пор, как он был с Цзинжуном, он терял счет своим радостным моментам. Выбрав подходящее копье из рук слуг, он взвесил его в руке. Оно, конечно, не могло сравниться с тяжестью копья Юминь, но было вполне пригодным. Сжав копье, он громко рассмеялся, затем резко поднялся и, легким движением, взлетел в воздух, совершив несколько оборотов, и приземлился в центре зала перед Е Цзинжуном. Их взгляды встретились, и Мин Янь улыбнулся, после чего его облик резко изменился, наполнив зал холодной и грозной атмосферой.

Сопровождая музыку Е Цзинжуна, Мин Янь размахивал копьем, создавая свистящие звуки. Он никогда специально не учился танцу с копьем, всё выходило естественно и непринужденно. Именно поэтому в его движениях можно было увидеть его истинные чувства. Возможно, даже сам Мин Янь не осознавал, что он постоянно кружил вокруг Е Цзинжуна, защищая его, пока тот играл.

Идеальная пара, созданная небом. Е Цзинжун полуприкрыл глаза, его длинные ресницы

отбрасывали тени, создавая соблазнительный изгиб. Он двигался в ритме музыки, время от времени поднимая взгляд на Мин Яня. Его теплые и нежные глаза, полные привязанности, заставляли зрителей задерживать дыхание. Какое прекрасное лицо, но, к сожалению, в этих многострадальных глазах никогда не отразится их образ.

Когда мелодия достигла кульминации, пальцы Е Цзинжуна продолжали танцевать по струнам, но его взгляд прилип к Мин Яню. В его глазах мелькнуло что-то неуловимое, что заставляло зрителей замирать, погружаясь в музыку и их присутствие.

Последняя нота прозвучала, и в тот же момент Мин Янь завершил танец эффектным обратным ударом копья. Подойдя к Е Цзинжуну, он положил свою руку на его плечо и помог ему подняться. Затем он повернулся к Мин Юаню и Лю Юньянь и с серьезным выражением лица произнес:

— Отец, мать, мы с Цзинжуном позволили себе немного пошуметь!

Как это могло быть шумом? Это был настоящий триумф. Мин И, сидя в углу зала, увидев это, едва не лопнул от злости. Его кулаки сжались так сильно, что ногти впились в ладони.

Почему? Он старше Мин Яня, но отец всегда благоволит ему. В чем он уступает ему?

Мин И не мог смириться с этим. Он начал подавать знаки министру Цю, но тот молчал.

Проклятье, этот старик ослеп? Если ты не говоришь, то я сделаю это сам.

Прежде чем все успели опомниться, в зале раздались аплодисменты, привлекшие внимание всех.

Мин И любил быть в центре внимания. С легкой улыбкой на лице он с насмешкой обратился к Мин Яню:

— Господин Е, несомненно, обладает талантом цилиня. Я восхищен. Но раз господин Е так хорошо разбирается в военной стратегии и музыке, то, конечно, не составит труда и сочинить стихотворение. Не могли бы вы, господин Е, удостоить нас чести и сочинить стихотворение о только что увиденном представлении, дабы мы тоже могли насладиться?

Услышав это, Е Цзинжун улыбнулся и без тени сомнения ответил:

— В чём трудность?

Хотя он ответил Мин И, его взгляд так и не упал на него. Е Цзинжун прекрасно понимал, что князь и второй принц не ладят, и если он будет слишком почтителен, то ревнивец рядом с ним снова начнет волноваться.

Видя его высокомерное отношение, Мин И был ошарашен. Неужели он, всего лишь побочный сын из резиденции Е, думает, что с поддержкой Мин Яня может позволить себе такую наглость?

— Раз так, господин Е, почему бы вам не последовать примеру древних и не сочинить стихотворение за семь шагов? — Мин И сузил глаза, не стесняясь увеличивать сложность задачи, его злой умысел был очевиден.

Однако Е Цзинжун даже не удостоил его ответом. Он просто начал обходить Мин Яня.

Один шаг, два, три… Сделав семь шагов, он вернулся к Мин Яню, холодно взглянул на Мин И и неспешно начал:

*

Дракон, метнувшись, разрушает мир,

Одиночное копье девять раз пересекает границы.

Жестокость, покорившая сотни армий,

Холод, окутавший путь к могилам.

Копье, разящее, как ветер, сосны, преследующие луну, сопровождают меня.

Нет равных в мире снов, слава на века останется!

*

Стихотворение, полное силы и величия, воспевающее решительность и мастерство Мин Яня, заставило всех захлопать в ладоши и восхищенно зашептаться.

Мин И хотел подставить Е Цзинжуна, но тот легко справился с задачей, и его злой умысел, направленный на него, на самом деле был больше нацелен на князя, что Е Цзинжун не мог допустить. С легкой улыбкой на лице он поклонился Мин И и незаметно ответил:

— Цзинжун составил этот стих. Доволен ли Второй принц? Я слышал, что Второй принц полон знаний. Почему бы вам не приложить к стиху и свое, дабы Цзинжун мог полюбоваться вашим талантом?

Услышав это, Мин Янь едва сдержал смех.

Эти слова Е Цзинжуна, конечно, были комплиментом для тех, кто действительно талантлив, но для такого пустозвона, как Мин И, это был скрытый сарказм.

Как и ожидалось, Мин И почернел от злости, его лицо исказилось в гримасе, что было совсем не по-королевски.

— Чем ты гордишься? Сочинить стихотворение за семь шагов — это что-то особенное? Даже если у тебя есть способности, то что насчет моего младшего брата? Что он может представить, чтобы быть достойным тебя?

http://bllate.org/book/16632/1523607